УДК [94:35](47)"1914/18"

БУКАЛОВА С.В.

К вопросу о месте первой мировой войны в периодизации истории государственного управления

На фоне анализа основных подходов к периодизации исторического процесса автор характеризует сущность эпохи Нового времени и его периодизацию, особо останавливаясь на периоде первой мировой войны, который рассматривается как переходный этап истории Нового времени. Прослеживается связь его особенностей с эволюцией государственного управления в XX веке, на основании чего автор настаивает на необходимости выделения 1914–1918 годов в самостоятельный раздел истории государственного управления.

Ключевые слова: периодизация истории, Новая и Новейшая история, первая мировая война, история государственного управления.

В процессе развития исторического знания возникла потребность в различении отдельных этапов исторической жизни и осмыслении их специфического содержания. Выделение таких этапов называется периодизацией и по существу означает определение единиц времени, которые отличаются наполненностью неким содержательным смыслом. Как правило, исторические периоды соотносятся с определенными социальными структурами, причем периодизация может производиться на основе относительной неизменности той или иной структуры в данном периоде либо ее интенсивного изменения.

Периодизация исторического процесса является краеугольным камнем всех теорий человеческого общества. Любая предложенная периодизация истории неизбежно порождает определенное представление об эволюции человеческого общества, о её движущих силах, направлении развития[1].

Периодизация выступает необходимым элементом любой исторической дисциплины, создавая шкалу измерения для изучаемых явлений. Тем самым она способна придать стройность научной теории, структурируя её.

С одной стороны, периодизация всегда является некой условностью, упрощением многомерного исторического процесса, результатом применения к нему методов обобщения и абстрагирования[2]. Периодизация истории – это условное деление исторического процесса на определённые этапы с целью научной систематизации накопленной информации о прошлом, для которого могут избираться самые разные основания.

Таким образом, установление временных рамок периода зависит от выбора его определяющих признаков, что рассмотрено в ряде исследований[3].

С другой стороны, периодизация – эффективный метод анализа. Она обладает большим эвристическим потенциалом. Через периодизацию можно более глубоко показать соотношение развития исторического процесса в целом и отдельных его аспектов.

Необходимость унифицированной системы навигации в историческом пространстве порождает практику членения исторического времени, вследствие чего возникают понятия стадий, фаз и периодов как звеньев единой цепи. Тем самым периодизация истории становится не столько временным, хронологическим, сколько содержательным

понятием, а исторические периоды – единицами не календарного (абстрактного), а исторического (содержательного) времени.

Гуманисты ввели в методологию истории разграничение далекого и близкого прошлого, в свою очередь отделенного от настоящего. Так возникло существующее поныне деление письменной истории человечества на три мегаэпохи: Древний мир, Средние века и Новое время. Сами эти термины, изначально основанные на социокультурных характеристиках, появились в результате противопоставления новой и древней истории, возникшего в эпоху Возрождения.

Как результат поиска макрообъяснительных схем исторического процесса в рамках предложенного гуманистами трехчленного деления истории на древнюю (античную), среднюю и новую сложились три социологические мегатеории – формационная, цивилизационная и модернизационная[4], которые легли в основу ведущих теоретико-методологических подходов современной отечественной историографии.

К. Маркс выделял три общественно-экономические формации: первичную (первобытную, архаическую); вторичную (экономическую, основанную на частной собственности); третичную (коммунистическую)[5]. Историческое развитие представало как последовательная смена формаций. В дальнейшем в советских общественных науках была принята пятичленная периодизация, связанная с пятью способами производства (первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, коммунистический). Данное деление было признано универсальным и применимым в одинаковой степени и для анализа отдельного общества, и для всех обществ одной формации, а также для выделения ступени развития человечества в целом. Это делало анализ структуры и путей развития конкретных обществ схематичным и требовало «подгонки» под некую установленную историческим материализмом эталонную модель. Стоит заметить, что ещё в советское время ряд историков настаивали на существовании т.н. «азиатского способа производства», характерного для большей части человечества и заменявшего собой рабовладельческие и феодальные производственные отношения[6].

Далеко не все исторические факты «укладываются» в формационную схему. На каждом этапе ее развития налицо присутствие большого разнообразия параметров, которые гораздо более определенно подходят для характеристики уровня развития отдельных цивилизаций в условиях их дискретного и неравномерного развития. С такой точки зрения «правильная» смена формаций предстаёт феноменом истории европейской цивилизации.

Плюралистическое понимание мировой истории является одним из непременных условий её объективного анализа, однако при этом хронологическое структурирование исторического процесса подменяется пространственным, т.е. географическим. В категории «формация» отражены такие стороны исторического процесса, как стадиальность, динамизм, прерывы постепенности, а в категории «цивилизация» – соответственно непрерывность, накопление опыта и достижений.

Критикуя марксистскую теорию формаций, ряд исследователей поддерживают саму идею выделения единых стадий в мировом историческом процессе. В 50–60-е годы XX в. Р. Арон и У. Ростоу создают теорию индустриального общества. Она описывает переход от «традиционного» аграрного общества, в котором господствуют сельское хозяйство и сословная иерархия, к промышленно развитому обществу с массовым производством, рыночной экономикой и демократическим социальным строем. В основе этого перехода лежат технические нововведения в сочетании с духом предпринимательства и конкуренции[7].

Теория модернизации, синтезирующая в себе черты формационного и цивилизационного подходов к периодизации истории человечества, выделяет стадию традиционного (премодерного) общества, которое в Западной Европе трансформируется в модернизированное (индустриальное) общество. Затем под влиянием европеизации и вестернизации путём диффузии и аккультурации западные модерные ценности и стандарты распространяются на весь мир или подавляющую его часть. Данный процесс называется модернизацией.

Сегодня мы наблюдаем третью волну изменений, которая не менее глубока, чем

промышленная революция, но протекает значительно быстрее, – мир превращается в постиндустриальное информационное общество. Учитывая данную тенденцию, к эпохам традиционного и индустриального общества добавляется третья – постиндустриальная эпоха. Глобальное человечество вступает в эпоху постмодерна. Её сущность определяется резким ростом культурного и социального многообразия, отходом от принципов чистой экономической целесообразности, возрастанием многовариантности прогресса, отказом от принципов массового социального действия, замещением материальных ориентиров культурными и др.[8]. Постмодернити связывается с утратой Европейским регионом доминирующих позиций в мировой экономике и политике, с отказом от идеи национального государства и выдвижением на первый план иных социокультурных моделей.

Таким образом, человечество проходит как бы три «волны» цивилизации. В традиционном обществе преобладало сельское хозяйство, в индустриальном – промышленность, в постиндустриальном – сфера услуг, в которой определяющую роль играет информация. Отметим, что качественные перемены, связанные с изменением характера общественно-политического развития ведущих государств мира, начинают проявляться лишь во второй половине – конце XX века, когда с распространением компьютеров и промышленных роботов меняется характер трудовой деятельности, центральной фигурой производства становится работник интеллектуального труда.

Новое время – это период всемирной истории, с одной стороны, аккумулировавший наследие всех предшествующих эпох человеческой истории, а с другой – задавший те тренды развития человечества, которые определяют нашу жизнь сегодня. В данный отрезок времени происходит возникновение новой цивилизации, европоцентристского мира, «европейского экономического чуда» и экспансия европейской цивилизации в другие районы планеты.

Понятие «Новое время» было воспринято историками и утвердилось в научном обиходе, но смысл его во многом остаётся условным. Оно представляет собой великолепный пример могущества понятий, созданных наукой, их способности жить своей жизнью и создавать сам феномен, который они обозначают[9].

Новое время было осмыслено как некая целостность с характеризующими её признаками. Можно выделить два подхода к его изучению. Один уделяет главное внимание появлению новой формы общества (капиталистического, индустриального, модернизированного), другой – формированию человека нового типа (светского, рационально мыслящего)[10].

Период Новой истории можно разделить на два крупнейших этапа. Первый из них – с конца XV – начала XVI века по вторую половину XVIII века, когда в Западной Европе зарождается ранняя, переходная форма индустриального общества. Второй этап Новой истории, продолжавшийся со второй половины XVIII по начало XX века, стал периодом ускоренного становления индустриального общества со своей специфической политической и социальной структурой. Цепь событий этого периода: промышленная революция, урбанизация, появление современных идеологий, развитие социалистического движения и национализма, первая викторианская глобализация – является центральной для понимания мира, к которому мы пришли сейчас.

Верхняя граница Нового времени – датировка его окончания, само разделение прошедшего и настоящего, истории и современности – остаётся методологической проблемой. Вопрос о том, что следует понимать под термином Новейшая история, относится к одному из самых спорных в современной науке. Периодизация вообще является одной из базовых теоретических проблем истории Нового времени наряду с темами социальных революций и реформ, индивидуальности и личности, взаимоотношений западного и восточного миров[11].

В большинстве европейских языков Новая история обозначается посредством понятия *modern*[12]. На русский язык это слово, как правило, переводится как «современный», что отсылает к понятию «Новейшее время» не столько как к содержательному, сколько хронологическому. Термин «Новейшая история» как противоположность Новому времени введен историками-марксистами. В советской историографии

безраздельно господствовала точка зрения, согласно которой период Новой истории закончился в 1917 году, когда в России произошла социалистическая революция. Основным содержанием Новейшей истории мыслился закономерный переход всего человечества от капитализма к социализму[13]: в результате Октябрьской революции капитализм перестал быть единственной, всеохватывающей социально-экономической системой.

Согласно наиболее распространенной современной точке зрения, рассмотрение событий, связанных с Новым временем, следует завершать первой мировой войной, которая внесла важные изменения в соотношение сил в мире, в идеологию людей, в их быт, образ жизни и т.д.

Ряд исследователей считают, что после крушения социалистического лагеря и марксистских догм термин «Новейшая история» потерял свое методологическое значение и является условным[14]. С этих позиций Новейшее время рассматривается не как самостоятельный период мировой истории, а как составная часть Нового времени, ближайшая к исследователю и не имеющая оригинальных типологических признаков, а лишь демонстрирующая эволюцию прежних. Промышленная капиталистическая цивилизация доказала своё преимущество перед социалистическими странами в экономике, сумев поставить себе на службу достижения научно-технической революции; она сумела убедить мир в превосходстве либеральных идей над жёсткой и стройной идеологией коммунизма, она вышла победительницей из гонки вооружений. Эти соображения позволяют утверждать, что Новое время в истории человечества еще не закончилось и либерально-промышленная цивилизация со всеми ее несомненными доблестями и очевидными пороками всё еще является главной силой в современном мире. Так, немецкий философ и социолог Ю. Хабермас не считает эпоху модерна завершенной[15].

Продолжая хронологию Новой истории вплоть до сегодняшнего дня, в ней можно выделить три этапа: эпоху становления индустриального общества, демократических революций и национальной консолидации европейских государств конца XVIII – начала XX века («раннее Новое время»); эпоху мировых войн, социальных потрясений, возникновения и распада тоталитарных систем, национально-освободительных движений («зрелое Новое время»); а также современную эпоху стремительного научно-технического прогресса («постмодерн» или Новейшая история).

Если принять точку зрения о непрерывности исторической эпохи Нового времени, содержанием которой является эволюция индустриальной цивилизации, то следует заметить, что траектория этой эволюции дважды проходила через кризисные этапы мировых войн. Трагедия первой мировой войны наглядно демонстрирует, к каким катастрофическим последствиям может привести столкновение амбиций национальных государств, облечённых в форму идеологий и подкреплённых мощью индустрии и социальной организации. С изобретением ядерного оружия кризис индустриальной цивилизации несёт угрозу гибели всему человечеству. Это ещё раз возвращает нас к теме первой мировой войны как одному из важнейших рубежей истории Нового времени.

На наш взгляд, сумму дипломатических, экономических и идеологических предпосылок первой мировой войны разумно анализировать в рамках «Долгого XIX века», концепция которого была предложена британским историком-марксистом Эриком Хобсбаумом[16] на основе теорий «долгого исторического времени», разрабатываемых французской «Школой Анналов». Под ним подразумевается историческая эпоха, ограниченная, с одной стороны, политическим переломом Великой Французской революции, с другой — первой мировой войной и отмеченная утверждением предпосылок классического модерна. «Долгий XIX век» олицетворяет буржуазное общество, национальную государственность, индустриальные производственные отношения, автономию искусств, техническую и интеллектуальную рационализацию, инновационное и прогрессистское мышление и так далее[17].

Первая мировая война служит важнейшим связующим звеном между индустриально-колониальным XIX столетием и современностью, её можно оценивать либо как границу Нового и Новейшего времени, либо как один из узловых пунктов Новой

истории. Общепризнанной является генетическая связь первой и второй мировой войн, как и то, что современный миропорядок построен на основе Потсдамской системы международных отношений, созданной в 1945 году. Подобно Реформации XVI века, первая мировая война, начиная новый исторический период, находится вместе с тем в центре эпохи, первая половина которой была временем ее подготовления, а вторая — временем ее развития и обнаружения её следствий.

Однако сфера анализа исторической эволюции институтов государственного управления имеет свои, весьма существенные нюансы. Прежде всего она должна подняться над событийностью и фактографичностью истории для того, чтобы выявить объективные закономерности и национальные особенности развития государственного управления. Важно проследить соотношение развития государственности и исторического процесса в целом, а также связанные с этим аспекты социальной эволюции. Здесь стоит отметить, что история государственного управления является формирующейся отраслью отечественной исторической науки, а потому историкам ещё предстоит научиться корректному разделению соответствующих процессов на этапы и периоды и выделению их существенных характеристик.

Наиболее наглядно проблематика периодизации истории государственного управления прослеживается в учебных курсах этой дисциплины, опубликованных с конца 1990-х годов. Трансформация учебного предмета из «Истории государственного управления в России» в «Историю государственного управления», происшедшая в федеральных образовательных стандартах высшего профессионального образования 3-го поколения, подчёркивает необходимость рассмотрения исторической эволюции отечественной системы государственного управления в максимально широком мировом контексте. Однако до настоящего момента этот методологический аспект (как и многие другие, в том числе проблема периодизации) находится на периферии внимания авторов учебных пособий.

Приходится отметить, что принятая в настоящее время периодизация отечественной истории государственного управления лежит вне общих схем исторической периодизации, что не позволяет раскрыть взаимосвязь развития институтов управления с эволюцией общества, выделить алгоритмы этого взаимодействия. Унаследованное от курса истории государства и права акцентированное внимание к институциональным формам государственного устройства в противовес изучению механизмов функционирования государственного управления не позволяет дать адекватную оценку роли государства в историческом процессе. Следствием внутренней противоречивости практикуемой периодизации истории государственного управления становится неадекватная структура учебного материала, формирующая у учащихся искажённое представление о таких важнейших для будущих управленцев темах, как проблема соотнесённости отечественной и мировой истории, баланса волевого и стихийного начал в эволюции общества и государства, динамической неустойчивости общественных процессов, являющейся следствием конфликтности отношений участников.

Одним из примеров отмеченной негативной тенденции является место первой мировой войны в периодизации истории государственного управления. Значительная часть авторов учебных пособий относят её к теме «кризиса самодержавия», т.е. правления Николая II (1894–1917 гг.). В большинстве существующих пособий по истории государственного управления в России первая мировая война не выделяется в качестве отдельного периода эволюции государственного управления и упоминается косвенно. Игнорирование военных обстоятельств и избирательное освещение исторических событий не позволяют раскрыть логику изменений в системе государственного управления, происшедших в эти годы.

Прежде всего большинство авторов уже на уровне структуры учебного пособия объединяют события 1905–1907 и 1917 годов в единый процесс, не выходя за рамки советской схематизации революционного движения. К примеру, в учебнике под редакцией Р.Г. Пихои мировая война «растворяется» в главах, посвящённых итогам

первой русской революции (Гл. 9 – «Россия на пути к конституционной монархии») и Февральской революции (Гл. 10 – «Крушение монархии» – преимущественно фактографическая)[18]. В.И. Щепетев, хотя и выделяет в самостоятельный параграф изменения в государственном управлении в годы первой мировой войны, так же жёстко связывает революционные события 1905 и 1917 годов: «*Николай и его окружение не нашло достаточно эффективных мер перехода к парламентаризму; политические игры с Государственной думой затянулись. Последовали революции 1905* (т.е. до создания Думы?!– *прим. авт.*) *и 1917 годов, приведшие к смене формы государственного устройства: Россия из абсолютной монархии стала буржуазной республикой*»[19]. Так вполне конкретный исторический контекст идущей мировой войны оказывается «вынесенным за скобки».

В.Г. Игнатов помещает первую мировую войну в Главу 11 «Кризис государственной власти и управления 1900–1917 годов»[20]. Отметим, что нижняя граница периода выглядит произвольной, притом повторяется и другими авторами. Рубеж столетий представляется авторами как граница некого значимого этапа эволюции государственного управления, демонстрируя лишь милленаризм, свойственный современному сознанию.

Н.А. Омельченко также включает дореволюционный период первой мировой войны в главу «Кризис политической системы и эволюция государственной власти и управления в 1900–1917 гг.» (Гл. 12). В качестве параграфов внутри раздела рассматриваются революционный кризис начала XX века, проблема конституционной «дуалистической монархии» и место Государственной думы в политической системе российского общества[21]. Как видим, война не удостоилась отдельного места даже в рамках модернизационной парадигмы изложения.

В.И. Куликов, рассматривая российскую государственность в начале XX века (Глава 9), выделяет в отдельный параграф влияние первой мировой войны на российскую государственность, хотя в действительности война оказала воздействие на цели и механизмы государственного управления, на риторику политических сил, но не повлияла на основы государственности[22].

Р.Т. Мухаев включает период первой мировой войны в Главу 11, посвящённую утверждению дуалистической монархии и также имеющую датировку 1900–1917 гг. В качестве отдельного параграфа рассматривается государственное управление в 1914–1916 годах[23].

Наиболее радикальная трактовка политического содержания исторических процессов начала XX века вообще исключает какую бы то ни было связь войны и революции, оценивая революционные события как вынужденный способ решения традиционных экономических и социальных проблем и настойчиво связывая проведение успешных преобразований с расширением полномочий представительного органа.

Граница между «императорским» и «советским» периодами отечественной истории выглядит непреодолимой, а управленческие структуры и механизмы управления, складывающиеся в период социализма, представляются обладающими абсолютной новизной.

При таком подходе напрочь игнорируется тот очевидный факт, что в остальном мире, окружавшем Советскую Россию, продолжили своё развитие существовавшие институты управления, которые так же, как и многие другие стороны общественной жизни, испытали драматическое влияние первой мировой войны. Более того, при детальном рассмотрении становится заметно влияние, оказанное мировой войной и на советскую систему управления.

Во всех воюющих странах была свернута демократия, сузилась сфера действия рыночных отношений, государство активно вмешивалось в область производства и распределения. Были введены трудовая повинность, карточная система, применялись меры внеэкономического принуждения. Потребности военного времени заставили правительства воюющих стран прибегнуть к государственному регулированию промышленного и сельскохозяйственного производства, нормированию цен и потребления, распределению трудовых ресурсов и товаров, дозированию общественно значимой информации[24]. Всё это не только расширило функции государства, но фактически поставило его над обществом. Здесь кроется источник усиления тоталитарных тенденций в жизни стран и народов в середине XX в.

Из опыта первой мировой войны во многом исходили теоретики и практики не только фашистской командной экономики в Германии и Италии, но и «социалистического планового хозяйства» в СССР. Прямо или косвенно он повлиял и на опыт государственного регулирования в демократических странах, например на разработку «нового курса» в США[25].

В современной российской историографии первую мировую войну поэтически называют «Прологом XX века», хотя в содержательном отношении она предстаёт как результат эволюции индустриальных национальных государств, так как и технология, и идеология Нового времени оказали существенное влияние на происхождение и ход войны. Применительно к России эти черты проявляются ещё более отчётливо: в ходе самой войны и под воздействием её последствий происходит форсированное разрушение традиционного общества, преобладавшего в Российской империи ещё накануне 1914 года. Таким образом, первая мировая война принадлежит периоду Новой истории, подводя определённые неутешительные итоги развития западной цивилизации в «долгом XIX веке» и закладывая ценностно-смысловые основы Новейшего времени, так же как и структуру политической карты современного мира.

На основе функционального критерия период первой мировой войны следует выделять в качестве самостоятельного этапа эволюции государственного управления, определяемого специфическими задачами, стоявшими в то время перед государством в области не только внешней, но и внутренней политики. Системное изучение опыта государственного управления в годы первой мировой войны, опыта «организации тыла», позволяет выявить тенденции усиления роли государства во всех областях общественной жизни, получившие своё развитие уже в послереволюционный период. Предстоит детально исследовать влияние первой мировой войны на формы и методы управления, а также его историческую эволюцию в этот период.

[1] Шадрин Ю.Б. Научная периодизация всемирной истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.0gn.ru/novejshaya_istoriya_politologiya/nauchnaya_periodizaciya_vsemirnoj.php.

[2] Шильман М.Е. Такты истории. Харьков: Издательство ХГАДУ, 1998. С. 41.

[3] Букалова С.В. Исторический опыт государственного управления в России в начале XX века: проблемы изучения и преподавания// Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 3. С. 162–168.

[4] Савельева И., Полетаев А. Знание о прошлом: теория и история. Конструирование прошлого. СПб: Наука, 2003. С. 514.

[5] Семёнов Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003. С. 46.

[6] Периодизация всемирной истории / Под ред. А. С. Шофмана. Казань: Изд-во Казанского университета, 1984. С. 226.

[7] Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса. 2-е изд. М.: КомКнига/УРСС, 2009. С. 23.

[8] Новая философская энциклопедия: В 4 тт. / Под ред. В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2001. Т.4. С. 331.

[9] Асланов И.К. Периодизация исторического процесса. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 176.

[10] Историческая наука в XX веке. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки: учеб. пособие / Под. ред. И.П. Дементьева, А.И. Патрушева. М.: Простор, 2007. С. 128.

[11] Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв.: дис.… доктора ист. наук. М., 2010. С. 51.

[12] Малков С.Ю. Фазы исторического процесса и социальная самоорганизация // История и Математика: проблемы периодизации исторических макропроцессов / Ред.: Коротаев А.В., Малков С.Ю., Гринин Л.Е. М.: КомКнига/УРСС. С. 51.

[13] Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М.: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1967. С. 297.

[14] Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://megabook.ru/

[15] Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. М.: Издательство «Весь мир». С. 347.

[16] Хобсбаум Э. Век империй: Европа 1875–1914. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 512 с.

[17] Ананьева А. «Долгий XVIII век»: характерные черты периодизации вне календарной хронологии и применение концепта к российской истории // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 322.

[18] История государственного управления в России [Текст]: Учебник. Издание 4-е, дополненное и переработанное / Под общ. ред. Р.Г. Пихои. М.: Изд-во РАГС, 2009. 440 с.

[19] Щепетев В.И. История государственного управления в России [Текст]: Учебник для студентов

высших учебных заведений. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2003. С. 315.

[20] История государственного управления России: Учебник. Издание 3-е, перераб. и доп. / Отв. редактор В.Г. Игнатов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. 436 с.

[21] Омельченко Н.А. История государственного управления в России: Учебник. М.: Проспект, 2014. 463 с.

[22] Куликов В.И. История государственного управления в России: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 512 с.

[23] Мухаев Р.Т. История государственного управления в России: Учебник для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 770 с.

[24] Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк / Отв. ред. Г.И. Шкундин. М.: Наука, 2002. С. 110.

[25] Саломатин А.Ю. Всемирая история государства и государственного управления: Учебное пособие. М.: НОРМА – Инфра-М, 2013. С. 251.